

Вопросы к докладчику и ответы

Вопрос (А.Л. Андреев):

Известно, что существуют эффективные в некоторых случаях технологии воздействия извне. Например, идеологическое воздействие Запада на ситуацию в России каким-то образом трансформирует процессы, которые происходят в нашей стране. В разное время по-разному. А влияние критики ислама извне, предложение диалога, поддержка определенных идейных позиций могут влиять на внутренний расклад сил в исламе и эволюцию исламского мира? Или этот мир не способен слушать голос со стороны?

Ответ:

Способен. По крайней мере, практически все в мусульманском мире — хотя они не любят об этом открыто говорить — согласны с тем, что начало политических реформ здесь явилось результатом не исключительно, но в большой степени давления извне. То, что режимы ощущали давление извне, конечно, подтолкнуло их к изменениям. Поэтому тут нельзя исключать отмеченного вами влияния — особенно когда речь идет о политике, которая тянет за собой и остальные сферы общественной жизни. Это возможно и на идейном уровне. На мой взгляд, сейчас взвешенное, умеренное направление исламской мысли испытывает большие сложности в своем соперничестве с радикалами, которые более опытные и организованные и, самое главное, опираются на мощные политические организации. А вот умеренные исламские силы представлены прежде всего интеллектуалами, за которыми никакие политические движения исламского толка не стоят. В силу этого нахождение с ними контакта, установление сотрудничества, которые, конечно, не должны дискредитировать их перед мусульманским сообществом, крайне актуальны. Они готовы на это идти. Мешает наше представление о гомогенности исламского мира. Там

есть очень авторитетные исламские деятели, мыслители, которые определяют состояние общественного мнения в мусульманском мире. С ними необходимо находить возможности для сотрудничества.

Вопрос (В.М. Межуев):

Скажите, пожалуйста, в рамках исламского мира, исламской догматики возможно ли нечто подобное европейской реформации? Ведь если не будет реформации, то не будет и просвещения. Возможно, в исламской догматике есть такие моменты, которые препятствуют реформам. Кроме того, возможна ли в рамках исламского мира какая-либо секуляризация?

Ответ:

Очень хорошие вопросы, спасибо. На уровне ментальном, теоретическом возможности для реформирования есть. Да и исламские реформаторы известны. Вспомните Мухаммеда Абдо, исламского теолога и государственного деятеля конца XIX — начала XX вв.

Реплика:

А он реформатор был?

Ответ:

Конечно.

Реплика:

Церковный реформатор?

Ответ:

Термин «церковный» к исламу не очень применим. Но Мухаммед Абдо предлагал очень глубокие изменения в исламском осмыслении окружающего мира, в том числе открытость к европейскому опыту. Этому вопросу, в частности, посвящена недавно опубликованная книга З.И. Левина

«Реформа в исламе: быть или не быть». Поэтому в принципе реформация возможна. Но она не будет происходить в тех же формах, что в Европе. Кстати, сейчас наблюдаются конкретные примеры реформ в исламском мире. Но их границы заданы перспективами секуляризма. Особенность ислама заключается в том, что секулярная идея присутствует не вне ислама, как некий оппонент религиозной мысли, а внутри него самого. Ислам до сих пор мыслится как общая рамка, которая включает в себя все в жизни человека.

Реплика:

Тогда для них нет ничего светского?

Ответ:

Почему? Действительно, мусульмане не любят слово «светский», считая все светское врагом ислама. Они употребляют иной термин — «мирской». С их точки зрения, религиозное и мирское — разные вещи. Многие исследователи утверждают, что религия и политика в исламе неразделимы. Я с этим не согласен. Неверно, мир политики — это мир мирской. А закономерности мирской жизни, с одной стороны, и регулирования в исламе и собственно религиозных отношений — с другой стороны, серьезно отличаются друг от друга. Как юрист приведу только один пример: в религиозной сфере ислама действует принцип «разрешено только то, что прямо предписано». А в мирской жизни действует совершенно другой принцип — «разрешено все, что не запрещено». Даже один этот принцип говорит о том, насколько по-разному мыслится религиозная и собственно мирская жизнь в исламе. Поэтому если в религиозной сфере невозможно восприятие каких-то других религиозных конструкций, то в мирских отношениях это вполне возможно. Замечательный пример — исламская экономика. Исламские банки, с одной стороны, регулируются банковским корпоративным законодательством европейского образца, а с другой — живут по шариату. Причем это наблюда-

ется не только в арабском мире, но и в Великобритании, во Франции, в Швейцарии, в Соединенных Штатах. Поэтому секулярная тенденция есть, но она осмысливается в рамках мирских взаимоотношений, которые по своему характеру серьезно отличаются от религиозной жизни. Такова особенность ислама.

Вопрос (А.И. Неклесса):

Владимир Михайлович затронул крайне актуальную проблему. Я бы здесь вмешался и обострил постановку вопроса. Европейский секуляризм не только предполагает отделение мирского начала от богословского, но и закрепляет право человека на отрицание религии, на самостоятельный выбор, включая непринятие никакой конфессии.

Реплика:

Атеизм.

А.И. Неклесса:

В том числе и атеизм. Это как бы право, в том числе и на принятие религии. Это право человека на самостояние отдельно от конфессии. И вот как здесь быть с правом на отрицание ислама в рамках исламской культуры?

Ответ:

Я уже говорил о том, что прямого аналога секуляризма в европейском смысле исламская мысль не знает. Она исходит из неприятия термина «секулярный», который воспринимается как синоним атеизма. Кроме того, в исламе сохраняется позиция криминализации выхода из ислама, который рассматривается как одно из тяжких преступлений. Если, например, мы возьмем исламскую концепцию прав человека в целом, то, безусловно, обнаружим некоторые поля абсолютного противостояния с европейской или общемировой международной общепризнанной правовой практикой. Но эти поля очень немногочисленные, хотя и крайне

важные. Одно из них — свобода вероисповедания. Есть еще другое — право на жизнь. Хотя, кстати, на Западе наблюдается разное отношение к этому праву в связи со смертной казнью. И последнее серьезное несовпадение — правовое положение женщин. Очень сложные проблемы, чувствительные, важные, но их всего три. По остальным вопросам достаточно сравнить Исламскую хартию прав человека и международные документы по правам человека, чтобы убедиться в том, что расхождения между ними касаются фактически только этих трех направлений.

В.М. Межуев:

А не связано это с тем, что в исламе нет промежуточного звена между богом и человеком?

Ответ:

Я не думаю, что это как-то связано с концепцией прав человека...

В.М. Межуев: Нет, не с правами человека, а с неспособностью к секуляризации, реформации, характерной для христианства.

Ответ:

Проблема не сводится к отсутствию в исламе посредничества между Аллахом и человеком. Дело в другом. В том, что ислам развивался как универсальное учение; это набор догм и принципов, касающихся абсолютно всех сторон общественной и личной жизни. Он всегда воспринимался как всеохватывающий регулятор и сохранился таким до сих пор. Ислам в принципе претендует на то, что он может дать ответ абсолютно на любой вопрос — мирской или религиозный.

Реплика:

Любая религия на это претендует.

Ответ:

Конечно. Но ведь православная церковь не претендует на то, что она заменит Уголовный кодекс своим набором норм. Безусловно, у нее есть свои представления о преступности, но на этом основании она не ставит вопрос о замене собственными правилами уголовного законодательства. А ислам это делает. Мне кажется, что такой характер ислама объясняется тем, что он с самого начала формировался как государственная религия, в отличие от христианства. С момента своего возникновения ислам был государственно-образующей религией. Именно он сыграл основную роль в создании самого халифата, исламской власти. Затем, после смерти пророка Мухаммеда, ислам стал восприниматься как вместилище всей жизни вообще, и таким, в общем-то, он остается и сейчас. Поэтому если в нем присутствует явление, которое сопоставимо с секуляризмом, то оно имеет место внутри него самого.

Вопрос (В.П. Булдаков):

Вообще вопросов много напрашивается. Я попробую задать конкретный вопрос. В приведенной вами шкале основных направлений современной мусульманской мысли какое место занимают идеи Гейдара Джемала? Я спрашиваю потому, что когда-то в узком кругу имел счастье его слушать. Он меня потряс тем, что заявил — ни много ни мало — о необходимости мусульманизации, тотальной мусульманизации России. В связи с такой позицией куда отнести этого исламского деятеля? Возникает и другой вопрос. Вы сказали, что в современных спорах исламских богословов, как я понял, часто выигрывают радикалы. С чем это связано? То ли с особенностями мусульманской схоластики, то ли с влиянием извне — прежде всего с влиянием толпы?

Ответ:

Что касается Гейдара Джемала, его место, конечно же, среди радикалов. Выдвинутая им известная концепция исламского проекта внешне звучит очень загадочно и ту-

манно. Но, если вдуматься, речь идет об идее проведения в жизнь некоего мирового исламского проекта, не связанного государственными границами и имеющего своей целью установление мирового господства ислама. Это своеобразное выражение радикальной идеи исламизации всего мира. Данная концепция не отличается детальной разработкой и действительно сводится к набору общих лозунгов и деклараций — порой весьма туманных и пугающих. Например, Гейдар Джемаль утверждает, что процесс исламизации нашей страны никто не в состоянии предотвратить. Ислам он считает внесистемным по своей природе и антигосударственным по своей направленности. В таком понимании ислам предстает не в виде фактора общественной стабильности или консолидации, а в виде революционного движения, все сметающего на своем пути.

Теперь о том, почему радикалы по большей части выигрывают в споре со своими идейными противниками внутри самого мусульманского сообщества. Это происходит по нескольким причинам. Во-первых, среди исламских идеологов радикального толка есть действительно подкованные люди. Во-вторых, они накопили довольно большой исторический опыт исламской аргументации, идейного обоснования своих программ, поскольку начали действовать на этом направлении начиная примерно с 20-х годов прошлого века, когда организация «Братья-мусульмане» появилась в Египте. Причем радикальные исламские идеи стали разрабатываться в интересах политической практики и обоснования конкретных политических действий. А оппоненты радикалов из числа умеренных исламских мыслителей начали разрабатывать исламские основы современной практической политики значительно позднее. Причем делали это с некоторой опаской, остерегаясь обсуждать эту проблематику публично, поскольку побаивались радикалов, за которыми стояли достаточно дееспособные политические организации и движения.

К этому надо добавить влияние толпы, весьма восприимчивой к радикальным идеям, которые объясняют, напри-

мер, все неудачи исламского мира тем, что он встал на путь вестернизации. Радикалы обращаются к чувствам и эмоциям, хотя при этом часто опираются в своей аргументации на реальные факты. Такая ориентация, конечно, укрепляет их позиции, как говорится, «на улице».

В последнее время умеренная исламская мысль пытается если не взять реванш, то, во всяком случае, серьезно оппонировать этим радикальным взглядам. Но за короткий промежуток времени переломить ситуацию невозможно. Для этого должны присутствовать и организационные формы, и политическая поддержка, и ощущение необходимости, воспринятой обществом. Кроме того, чтобы умеренным силам выстроить исламскую аргументацию своей политической линии, нужно пройти очень сложный путь осмысления исламских постулатов в современном духе. Трудность решения этой задачи объясняется также тем, что опровергать усвоенные широкими общественными кругами идеи и предлагать нечто новое взамен этих взглядов значительно сложнее, нежели повторять уже известные концепции, как это делают радикалы. Например, идеологи исламского экстремизма призывают и в наши дни применять так называемую фетву против татар, вынесенную выдающимся мусульманским теологом и правоведом Ибн Теймийей еще в XIV веке. А ведь в ней говорится о допустимости и даже необходимости жестоко расправляться с теми мусульманскими руководителями, которые сотрудничают с оккупантами. Причем речь идет о лишении жизни и родственников таких лидеров. Теперь представим, что руководители исламских республик Северного Кавказа преподносятся радикалами как пособники «оккупантов» — федеральной российской власти. Так как же с ними надлежит поступать в соответствии с приведенной выше фетвой? А ведь это мнение не какого-то исламоведа или даже современного мусульманского ученого, а самого Ибн Теймийи, авторитет которого непререкаем в мусульманском мире! Представляете, какой должна быть аргументация отличающейся от его мнения

позиции? Причем аргументация, опирающаяся на самые убедительные исламские постулаты!

Вопрос (В.Э. Багдасарян):

Когда в 1877 г. началась Русско-турецкая война, многие в России апеллировали к православию как идеологическому фактору мобилизации широких слоев населения ради спасения православных единоверцев. В то же время некоторые либеральные мыслители возражали против таких аргументов, подчеркивая, что религиозные призывы сомнительны. Ведь в нашей стране рядом с православными живут татары и другие мусульманские народы. Всякий раз, когда Россия сталкивалась со своими противниками, принадлежащими к миру ислама, позиция ряда мусульманских сообществ отличалась от общегосударственной. Были, в частности, факты поддержки врага. Скажем, в ходе Крымской войны содействие туркам со стороны крымских татар являлось одним из немаловажных факторов их успеха на крымском театре военных действий. В этой связи возникает вопрос о самоидентификации современных российских мусульман. Кем они себя воспринимают в качестве сообщества? Мусульманами прежде всего или российскими гражданами? С этим связан и другой вопрос. В случае потенциального столкновения России с кем-либо из принадлежащих к мусульманскому миру можно ли спрогнозировать поведение российских мусульман?

Ответ:

Вопрос, конечно, непростой. Я не думаю, что на него может быть дан один точный ответ. Ситуация достаточно сложная. Когда я говорил, что исламская российская мысль пока явно отстает от потребностей современных российских реалий, то как раз имел в виду подобного рода вопросы. Необходимо чтобы исламская мысль четко формулировала свою позицию по таким неоднозначным проблемам. Что же касается гипотетической возможности конфликта Рос-

сии с какой-либо частью мусульманского мира, то почему такую возможность вы называете гипотетической? Мы уже с этим столкнулись. Так, известный карикатурный скандал совершенно недвусмысленно выявил точку зрения мусульманской общины, которая не совпала с мнением европейского — да и российского — сообщества. А помните, как в некоторых республиках у нас отказывались отправлять военнослужащих на Северный Кавказ, чтобы избежать столкновений между мусульманами? Так что подобного рода противоречия уже имеют место в нашей стране.

В современном исламском мире поставленный вами вопрос формулируется иначе: каким образом принадлежность к исламу соотносится с принадлежностью к гражданству, а правовой статус мусульманина по исламскому праву — с правовым статусом гражданина по действующему законодательству? Естественно, столкновения между ними могут быть. Вспомним, что с началом войны в Ираке один из исламских лидеров России собирался объявить джихад Америке и начать чуть ли не собирать добровольцев на войну в Ираке против американцев. Другое дело, что это ни к чему не привело, но подобного рода ситуации вполне могут повторяться. В этом случае многие простые мусульмане ощущают себя в состоянии раздвоенности. Как им поступать: оставаться правоверными и следовать воле Всевышнего, а значит — откликаться на подобного рода провокационные призывы или ощущать себя прежде всего российскими гражданами и не поддаваться на провокации? Для верующего человека ответ на этот вопрос не так прост, как может показаться на первый взгляд. Исламская же мысль пока недостаточно активна, чтобы предлагать убедительные ответы на поставленные вопросы в рамках самого ислама.

Вопрос (А.И. Хвыля-Олинтер):

У меня терминологический вопрос. Мне приходится общаться с мусульманскими идеологами, в том числе и экстре-

мистами. Как, на ваш взгляд, следует корректно называть представляемое ими идейное направление в современном исламе? Иногда говорят об исламизме либо используют иные термины и определения. Какое из них наиболее удачно и приемлемо для самих мусульман?

Ответ:

Термины «радикальные исламские движения» и «радикальная исламская мысль» приняты в самом мусульманском мире, поэтому они не должны вызывать отторжения у мусульман. Мне не очень нравится термин «исламизм», потому что он был введен западными исследователями и публицистами. Но главное даже не в этом, а в том, что сам этот термин, если не знать вкладываемый в него смысл, непонятен, не несет никакого точного содержания. Если я говорю о радикальном исламе, то из самого термина ясно, что речь идет о крайних, экстремистских идейных или политических исламских движениях. Когда же используют термин «исламизм», то приходится объяснять его содержание, а для этого приходится вновь говорить об экстремизме, радикализме или терроризме. Не лучше ли сразу обозначать это явление точным в содержательном отношении термином?

Вопрос (А.В. Дмитриев):

В последние годы происходит заметное перемещение мусульман на Запад. В России я занимаюсь Южным федеральным округом. Здесь многие православные вынуждены переселяться на северо-запад, а их место занимают мусульмане. В результате на Юге России наблюдаются очень серьезные демографические и, еще важнее, этно-национальные и конфессиональные изменения. В европейских странах, как известно, появляются большие мусульманские общины, или диаспоры. Они растут. Как вы оцениваете масштабы и перспективы такого физического передвижения лиц, исповедующих ислам?

Ответ:

Действительно, есть статистика, так сказать, вызывающая вопросы и даже обеспокоенность. Это факт, с которым невозможно спорить, его надо признавать и реагировать на него. Я к этому отношусь как к явлению, которое остановить трудно, потому что оно стимулируется многими факторами — демографическими, социальными, экономическими, политическими. Поэтому остается лишь адаптироваться к этой ситуации и стремиться сгладить те столкновения, кризисы, противостояния, которые в связи с этим возникают. Обе стороны здесь несут ответственность за это — и властные структуры, и исламские диаспоры, и меньшинства, которые возникают не только в пригородах Парижа, но и в Москве, Питере и даже небольших российских городах. Причем главная проблема этих меньшинств — не политическая или криминальная, а культурная. Ведь противоречия возникают прежде всего потому, что сталкиваются образы жизни, системы нравственных ориентиров и ценностей. Приезжающие в традиционно русские города мусульмане приносят с собой свои традиции и менталитет, которые чужды коренному населению этих городов. Причем приезжие отнюдь не всегда готовы принять устоявшийся здесь образ жизни и систему культурных ценностей. В свою очередь, коренное население городов нередко заранее — так сказать, с порога — отвергает или, лучше сказать, «отторгает» чужаков-мусульман. В итоге — конфликты, непонимание, взаимная неприязнь.

Реплика:

Но ведь некоторые авторитетные ученые предрекают конец Запада...

Ответ:

Учитывая, как просвещенный Запад воспроизводится демографически, то в общем перспективы сохранения его роли в современном мире в будущем весьма тревожны.

Вопрос (Ю.А. Лукин):

Я, по-моему, первый из коллег, кто задает вам вопрос как юристу. Недавно прочитал, что российское мусульманское руководство считает Нурси признанным толкователем Корана, а ваши коллеги-юристы обвиняют его в экстремизме.

Ответ:

Да, действительно, было такое решение суда. Оно, правда, сейчас обжаловано. Посмотрим, что будет дальше.

Реплика:

Но оно существует?

Реплика:

Так ведь книгу Мухаммеда ибн Абдель Ваххаба тоже запретили...

Ответ:

Конечно, решение суда о признании книг Саида Нурси экстремистскими и запрещенными к распространению в России вынесено. Я считаю это решение неоправданным, что и выразил в своем заключении для суда. Нурси не является каким-то признанным толкователем ислама, Корана. Среди его работ под общим названием «Рисале-н-Нур» можно найти десятки разных произведений, посвященных толкованию положений Корана. Для какой-то части мусульман он — признанный авторитет. Но надо прямо сказать, что это явление по большей части все-таки турецкое, нежели общеисламское. В арабском мире, к примеру, его знают лишь специалисты. Я считаю, что к нему надо относиться не только как к толкователю Корана, но и как к автору произведений в жанре миссионерской литературы. Причем и в этом отношении Саид Нурси не является очень оригинальным мыслителем, автором абсолютно новых идей. Он был довольно известным популяризатором ислама, получил известность в Турции — за свою просветительно-обществен-

ную деятельность, из-за чего неоднократно оказывался в заключении.

Российский суд посчитал его произведения (точнее, опубликованные в русском переводе книги) экстремистскими. Суд согласился с экспертами-лингвистами, не являющимися религиоведами. А они пришли к выводу, что в произведениях Нурси есть высказывания, оценки, которые носят экстремистский характер. С чем это было связано? Только ли с аргументацией обвинения либо с какими-то еще соображениями? По-разному можно судить. Я в этих произведениях не вижу ничего экстремистского. Не следует забывать, что ранее эти книги неоднократно становились предметом обсуждения в ходе уголовных процессов в России. Но ни разу они не заканчивались обвинительными приговорами. Правда, тогда речь шла об оценке взглядов Нурси по уголовному законодательству, а последнее судебное решение вынесено на основании закона о противодействии экстремистской деятельности.

Вопрос (И.Б. Орлов):

Вы постулируете в своем докладе две вещи: первое — влияние процесса глобализации на трансформацию ислама, в том числе в политической сфере, и второе — неизбежность и закономерность этого процесса. В связи с этим возникает вопрос: является ли процесс глобализации неизбежным и закономерным для самого исламского мира? Если да, то в какой плоскости для них лежит эта закономерность и неизбежность — в мирской области или в сфере религиозных установлений? Можно ли с точки зрения ислама считать указанный процесс реализацией воли Аллаха или же речь идет о влиянии иных факторов? От ответа на этот вопрос зависит и отношение мира ислама к процессу глобализации.

Ответ:

Процесс глобализации для мусульманского мира — это данность. Прежде всего внешняя для него данность. И вклю-

ченность мусульманских стран в эти процессы даже более заметна, нежели в некоторых других частях современного мира. Например, зависимость от экспорта углеводородного сырья в мусульманском мире ощущается не менее, а может быть, даже более остро, чем в России. Вся экономика, все образование здесь практически сориентированы на Запад. Все финансовые средства держатся на Западе. Саудовская Аравия, кстати, сейчас получает больше средств не от экспорта нефти, а от капиталовложений на Западе. Поэтому для них глобализация — это объективная реальность, с которой они сталкиваются и живут. Конечно, она прежде всего касается мирской области, а не религиозной. Правда, глобализация влияет и на религиозный культ, но как? Раньше муэдзин звал на молитву своим голосом, а сейчас это делается с помощью современной техники. Или, например, современная исламская правовая мысль допускает заключение коммерческих сделок по Интернету. Можно даже брачный договор оформить таким образом. Но это уже мирская сфера, хотя и тесно связанная с религией. Что же касается религиозной догматики в прямом смысле, то на нее глобализация серьезного влияния не оказывает. Если, конечно, не считать религиозного обоснования новых подходов к решению мирских проблем.

Вопрос (С.С. Сулакишин):

Леонид Рудольфович, хочу ответить на реплику относительно того, что у нас никого не волнует проблема столкновения исламских традиций с иными привычками и ценностями. Сейчас разрабатываются два законопроекта, являющиеся своего рода ответом власти на эти противоречия. Один из них посвящен предотвращению дискриминации по расовому, национальному и религиозному признакам. Второй касается взаимоотношений органов государственной власти местного самоуправления с религиозными организациями. Если вы готовы участвовать в этих работах, то мы вас с удовольствием пригласим. А вопрос

такой: чего, на ваш взгляд, в российском законодательстве недостает для гармонизации и придания устойчивости отношениям ислама и государства, ислама и общества, ислама и православия?

Ответ:

Я постараюсь проследить за обсуждением этих двух законопроектов, потому что сам являюсь экспертом соответствующего комитета Государственной Думы. Но в целом я не вижу каких-то серьезных пробелов в нашем законодательстве о религиозных объединениях, которые мешали бы деятельности исламских религиозных центров. Предлагаемые поправки, изменения чаще всего являются результатом инициатив РПЦ, нежели исламских организаций. Правда, сами мусульманские религиозные лидеры по-другому оценивают ситуацию. Они, например, считают, что учащиеся исламских религиозных учебных заведений должны освобождаться от службы в армии. Этот вопрос поднимается постоянно. Наверное, это действительно чувствительная проблема, но в любом случае частная.

На мой взгляд, основные вопросы, связанные с взаимодействием конфессий с государством и обществом, лежат не в области законодательства. Оно вполне приемлемо. Проблема лежит в плоскости его реализации. Правда, мусульманские организации очень болезненно отнеслись к инициативе преподавания основ православной культуры в школе. У них своя позиция, которая с правовой точки зрения, думаю, обоснованна. Все-таки инициатива РПЦ не вполне согласуется с конституционным принципом светского характера государства. Наверное, неслучайно эта позиция в последнее время корректируется.

Вопрос (А.И. Неклесса):

Последний вопрос вытекает из того, что вы только что сказали. Какими вам все-таки видятся перспективы исламизации России, где мы наблюдаем новое состояние ислама, а

удельный вес и активность исламского населения с каждым годом повышаются?

Ответ:

А что вы имеете в виду под термином «исламизация»? Восприятие ислама все большим числом граждан России?

А.И. Неклесса:

Увеличение числа мусульман и повышение их активности. К тому же Россия уже вступила в качестве наблюдателя в Организацию исламской конференции. Все это — знаменательные тенденции. Как они будут развиваться в ближайшие 10 лет?

Ответ:

С точки зрения демографической проблема ясна. Исходя из реальных демографических данных, процент мусульман в населении России в целом достаточно быстро увеличивается. Убедительные факты на этот счет приводит в своих публикациях Ю.М. Кобищанов. 20 млн мусульман (или даже чуть меньше) — очень серьезная вещь. Мне кажется, основная проблема современного российского ислама — не собственно религиозная. Она заключается в определении мусульманами своего места в российском обществе и, наоборот, в выработке позиции этого общества по отношению к мусульманам и исламу.

А.И. Неклесса:

Интересно узнать ваш прогноз. Как это скажется на российском обществе? Какова реальная перспектива, к чему приведет увеличение количества мусульман в населении России?

Ответ:

Я не знаю, что будет через 10 или больше лет. Пока что я наблюдаю процесс относительной стабилизации при одновременном повышении градуса напряженности. Например,

многие говорят, что мы в России с исламским экстремизмом справились. Я не считаю, что эта сложная задача уже решена. От того, что теракты не происходят регулярно, их причины никуда не исчезли. Наоборот, к прежним причинам добавляются новые — например, появление заметных мусульманских диаспор в крупных российских городах, которые часто приводят к таким вот напряженностям. Достаточно назвать Карелию. Так что у меня пока нет утешительного прогноза. Я оставляю в стороне вопросы, которые можно адресовать исламскому сообществу. Есть и претензии к российской власти, чья политика в отношении ислама сейчас определяется прежде всего сквозь призму борьбы с терроризмом и экстремизмом. В итоге у нас самые главные специалисты по исламу сосредоточены не в Министерстве культуры или образования, а в ФСБ, потому что именно этот орган координирует борьбу с исламским экстремизмом.

Ю.А. Лукин:

У меня вопрос к докладчику как юристу. Как вы можете прокомментировать события вокруг книг «толкователя» Корана Саида Нурси? С одной стороны, высшее российское мусульманское духовенство признает его толкование, а с другой — Коптевский районный суд г. Москвы признал перевод книг Нурси на русский язык «экстремистской литературой» (см. «Российская газета», 25 мая 2007).

Другой очень деликатный вопрос: в тексте Библии трудно найти развернутое обоснование агрессии, экстремизма, нетерпимости к другим вероисповеданиям. Нет ли даже в классическом тексте Корана таких положений, сур, которые могут быть на самом деле истолкованы, мягко говоря, как превосходство одной веры над другой, верующих над «иноверцами»? Не на пустом же месте возникли такие связанные с исламом негативные тенденции нашего столетия, которых сегодня нет в христианстве, иудаизме, буддизме? Я что-то не встречал в печати сообщений, что в наши дни представи-

телей трех названных конфессий обвиняли в экстремизме, отсутствии толерантности, в нетерпимости.

И последний вопрос: в конституциях каких стран Востока ислам признается в качестве обязательной, государственной идеологии — как в свое время в пресловутой 6-й статье Конституции СССР признавалась руководящая роль КПСС?

Ответ:

Относительно судебного решения, признавшего изданные в русском переводе книги Саида Нурси экстремистскими, я уже высказал свое мнение в ответе одному из участников дискуссии. Что касается исламских постулатов и положений Корана, которые могут толковаться в экстремистском духе, то такая интерпретация существует. Вопрос очень непростой, и развернутый ответ на него мог бы занять много времени. Могу рекомендовать познакомиться с рядом моих публикаций на эту тему. Главный вывод: в исламской традиции можно найти обоснование экстремизма. Но в исламском наследии значительно более выразительна линия толерантности, диалога, поиска компромиссов, умеренности. Относительно официального статуса ислама следует иметь в виду, что эта религия признается официальной, т. е. государственной в большинстве мусульманских стран. По существу, среди них официально светскими государствами являются лишь Турция и бывшие советские республики — страны Центральной Азии и Азербайджан.